

Научная статья
УДК 140
doi: 10.17223/15617793/476/12

Хронотопность понятия «власть» в русском языке (к вопросу об археологии власти в русском тексте)

Олег Константинович Шевченко^{1, 2}

¹Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Ялта, Россия

²Крымское отделение Российского философского общества, Ялта, Россия

^{1, 2}skilur80@mail.ru

Аннотация. Показано, что власть в русском языке есть нечто физически осязаемое, но не достигаемое, а даруемое или обретаемое. Это не просто некое стремление, или способность, или набор умений. Отмечено, что власть – это особое состояние, которое имеет предметное и физиологическое воплощение, очевидное для всех. Доказывается, что в русской семиосфере происходит хронотопная спайка темпоральности и топологичности представлений о власти: живой, пластичной, текучей, многообразной, уместяющейся в конкретном пространстве, трансформирующей самого владельца и никогда не останавливающейся в своем бытии.

Ключевые слова: темпоральность власти, топологичность власти, семиотика власти, этимология власти, парадоксы власти

Для цитирования: Шевченко О.К. Хронотопность понятия «власть» в русском языке (к вопросу об археологии власти в русском тексте) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 111–120. doi: 10.17223/15617793/476/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/476/12

Chronotopicity of the concept “power” in the Russian language (On the archeology of power in Russian texts)

Oleg K. Shevchenko^{1, 2}

¹Humanities and Education Science Academy (Branch) of V.I. Vernadsky Crimean Federal University,

Simferopol, Russian Federation, skilur80@mail.ru

²Crimean Branch of the Russian Philosophical Society, Yalta, Russian Federation

^{1, 2}skilur80@mail.ru

Abstract. The author understands the concept “chronotope”, introduced into scholarly discourse by Russian researchers A. Ukhtomsky and M. Bakhtin, as a unity of the temporal and topological (spatial) being of any object or phenomenon. However, the identification of a language’s ability to express the telicity of a particular reality’s chronotope presents a great challenge. In other words, it is the ability of a natural language to observe phenomena singled out by researchers in the chronotope aspect without damaging the meanings and conceptual intuitions rooted in it. It is especially important for such phenomena as state, power, or politics. Following the style of Michel Foucault, the author of the article has carried out a thorough archaeological analysis of the concept “power” in the Russian language, referring to rare dictionaries, historical and etymological studies and specialized reference books. The research has shown that power in the Russian language is something physically tangible; it is not achieved, but granted or gained. It is not just a certain aspiration, ability or a set of skills, but a special condition having an objective and physiological embodiment, which is unavoidably obvious. In the Russian semiosphere, there exists a chronotopic unity of temporality and topology of ideas about power, the latter being alive, plastic, fluid, diverse, and adjusted to a specific space, transforming its owner and never stopping in its existence. Structurally, this single reality looks as follows. *Power* is the center, core and fundamental concept. *Strength*, *will*, *law*, and *freedom* are the immediate visible manifestations of power-wielding reality in the chronotope. They are associated with individuals who are power-holders. Moreover, an essential element is the format of freedom, which is bestowed only by the state of power. *Influence*, *domination*, and *management* are technical elements of power unlocking its inherent potential to change, transform and metamorphize the surrounding reality. *State* and *possession* are the two concepts embracing and including all the previous realities, except for power itself, which is the sphere’s core, source and, as it were, mathematical point. *State* and *possession* make an all-out effort to objectivate the abstraction, embody it and its satellites and technical elements into the generally accepted reality. *Possession* is the final and, in a sense, peripheral concept of the semiosphere. But it is peripheral in the sense that power does not exist as such beyond its limits. Possession is a shell formalizing power, its border, limitation and periphery. Finally, possession is crucial to understanding the specific features of the Rus-

sian semiosphere of power, without which it (power) will remain a lifeless operational term for private laboratory research of separate insignificant elements of reality.

Keywords: temporality of power, topology of power, semiotics of power, etymology of power, paradoxes of power

For citation: Shevchenko, O.K. (2022) Chronotopicity of the concept “power” in the Russian language (On the archeology of power in Russian texts). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 476. pp. 111–120. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/476/12

Как известно, понятие «Хронотоп» происходит от греческих слов «chronos» – время и «topos» – место. Идея объединения их семантических полей в единое целое принадлежит математику Герману Минковскому, который в 1905 г. сделал доклад, где отметил, что «есть только время-пространство и пространство-время» [1. С. 122]. А. Эйнштейн назвал эту реальность «пространственно-временным континуумом» [1. С. 122]. Вторым этапом был переход от общезначимого видения мира на уровень антропологический. Произошла экспликация понятия до важного термина, который описывает восприятие человеком мира не в виде отдельных точек, а в формате событий, как связь координат пространства и времени: «я вижу чрезвычайное приобретение для человеческой мысли в таком точном и в то же время ярко конкретном понятии, как «хронотоп», пришедшем на смену старым отвлеченностям «время» и «пространство». С точки зрения хронотопа, существуют уже не отвлеченные точки, но живые и неизгладимые из бытия события; те зависимости (функции), в которых мы выражаем законы бытия, уже не отвлеченные кривые линии в пространстве, а «мировые линии», которыми связываются давно прошедшие события с событиями данного мгновения, а через них – с событиями исчезающего вдали будущего» [2. С. 342].

Современные исследователи фиксируют, что А.А. Ухтомский создал теорию хронотопа, в которой «все существующее характеризуется как живое конкретно-индивидуальное единство» [3. С. 5]. При этом имеет место «открытый хронотоп» – событие, которое все еще длится, и «замкнутый хронотоп» – ставшее, прошедшее событие, со своей спецификой и экзистенциальным значением. Хронотоп имеет свои уровни и порядки – от микрохронотопа до макрохронотопа [3. С. 5, 9]. Разработки А.А. Ухтомского получили свое развитие и в современности [4. С. 33–41], но не определили вектор экспликации концепта.

Дальнейшую судьбу понятия на многие годы определил М.М. Бахтин [5], который разработал стройную и разветвленную теорию эксплуатации хронотопа в работе искусствоведа и литературоведа. Ядром его идеи явилось видение произведения искусства как особого микрокосмоса со специфической пространственно-временной средой [3. С. 8]. Понятие оказалось востребованным не только в психологии или искусствоведении, но и в практической работе историков, культурологов, политологов, философов.

Так, М. Эпштейн, творчески эксплицируя термин для анализа российско-советской цивилизации, столкнулся с феноменом убывания хроноса и увеличением собственно топоса в истории России и СССР. Он был вынужден создать теорию взаимосвязанных

понятий *хронотопа* и *топохроноса* в зависимости от стремления к нулю хроноса или топоса (*стремления*, но не статуса достигшего нулевой отметки второй части понятия) [6. С. 65].

Историки обратились к понятию «хронотоп» во многом благодаря школе «Анналов» и в частности такому ее видному представителю, как Фернан Бродель. Последний вводит понятие «большой длительности», которое объединяет структурный и темпоральный подходы, т.е. фактически осуществляет хронотопный анализ. Дальнейшая разработка идеи хронотопных цивилизаций была продолжена И. Валлерстайном [1. С. 123–124]. Хорошим результатом большой работы по введению термина «хронотоп» в поле исторического явилась кандидатская диссертация Анны Викторовны Шмелевой (направленная в первую очередь на анализ диалога, взаимной коммуникации вопрошателя прошлого (историка) и вопрошаемого (историческое), формирующего единство пространства и времени в историческом исследовании) [7].

В политологии понятие «хронотоп» рассматривается, пожалуй, активнее всего. Проблема единства политического пространства и политического времени в ней явлена наиболее отчетливо, а разрешения вопросов управления политическим временем и пространством как в их совокупности, так и в раздельности носит актуальный практический и узкопрагматический смысл. Поэтому неудивителен фейерверк концепций: «хронополитика», «ситуативный политический хронотоп», «этапно-постулатная модель политического хронотопа», «циклическая модель политического хронотопа» [1. С. 125–126], «хронотоп Псковской области» [6. С. 68–69].

Что касается социальной философии, то данный термин встречается не так уж редко и является довольно широкоупотребительным. Однако он не нашел своего раскрытия в рамках монографии или диссертационного исследования. Даже в заглавии статей он встречается нечасто, а порой отсутствует вовсе. Так, например, анализ выпусков журнала «Вопросы философии» за 2009–2018 гг. выявил 47 статей, в которых упоминается в позитивном смысле термин «хронотоп», но вот отдельной статьи, ему посвященной, в этом издании обнаружить так и не удалось.

В авторитетной Новой философской энциклопедии существует статья «Хронотоп», но она рассматривает данный термин в ключе литературоведческого и отчасти культурно-исторического толка [8]. Такой же характер имеет использование хронотопа в диссертации, написанной в сугубо социально-философском ключе. Автор предлагает «через постижение произведений искусства... познать и культурные пространственно-временные характеристики социального бытия», в этом

ключе он и раскрывает понятие «хронотоп», которое он понимает «как внутреннее культурное пространство и время каждой нации» [9. С. 14]. Возвращаясь к энциклопедической прописке хронотопа хотелось бы отметить, что редакционная коллегия сочла возможным ввести отдельную статью «Хронополитика», обозначив ее как «комплекс исследований, посвященных неоднородности исторического и политического времени» [8. С. 307].

Термин «хронотоп» очень удобен для попытки оценить текучесть и пластичность социальных процессов. Он не заменим для четкого интуитивно понятного обозначения нового, современного уровня понимания сущности социальной реальности, что блестяще продемонстрировал В.Е. Кемеров, проводя анализ современных исследований от «Корпускулярно-волновой метафоры социального процесса» до «хронотопичности социальной онтологии» [10. С. 7–10]. Это важный момент. Автор, ссылаясь на известную работу З. Баумана [11], резюмирует: «С введением концепции хронотопа в рассмотрение основ социальной онтологии процессуальность, динамика, временность становятся условиями трактовки структурности, устойчивости, пространственности социального бытия...» [10. С. 10].

Однако точкой преткновения является возможность языка выразить предельность хронотопа той или иной реальности. Насколько естественный язык способен наблюдать выделяемые исследователем феномены в аспекте Хронотопа без вреда для укрупнившихся в нем смыслов и понятийных интуиций. Другими словами, насколько может быть выражена средствами естественного языка хронотопность того или иного объекта. Если речь идет о предметной реальности: «стол», «дом» и т.п., то вопрос имеет лишь отстраненный академический интерес. Но в случае, если затрагиваются реалии, связанные с безопасностью жизни или будущим общества в целом, то проблема приобретает очень важный практический смысл. Так, совсем не мало значительными являются попытки определить, насколько «переменными» или «вечными», «структурными» или «хаотичными» представляются феномены «государство», «справедливость» или как в нашем случае – «власть». Для решения этой задачи важно увидеть историко-этимологическую и семантическую составляющие власти.

С проблемой русских смыслов власти впервые масштабно столкнулись издатели авторитетного словаря А.Ф. Брокгауза и И.П. Эфрона. Им пришлось разбить тему «Власть» на несколько частей и поручить их написанию различным людям. И если в части, касающейся юридического понимания проблемы и ее интерпретации, в своде законодательства Российской Империи особых сложностей не возникло, отправной точкой стало понимания власти как господства (в том числе непосредственного) одной личности над другой или вещами [12. С. 677], то в определении характеристик понимания власти на уровне общего возникли немалые проблемы.

Сама ключевая и отправная статья «Власть» делится между философом Владимиром Соловьевым (общее понятие) и его отцом, историком – Михаилом Соловьевым (развитие понятия власти) [12. С. 672–673].

Власть позиционируется как господство и выражается в разнообразных форматах. Она имеет разные основания (от божественной власти до случайного факта), но всегда – господство. Это господство прав и интересов целого (в случае с государственной властью, семейной властью и т.д.) над частью, не знающая умаления. Власть «...в общем, и широком смысле есть господство одного над другим или другими. Это господство может принадлежать известному существу или: 1) на основании его абсолютного превосходства перед всеми другими – такова есть власть Божия; или 2) на основании относительного преимущества, вытекающего, однако, из естественной необходимости или по закону природы – такова власть родителей над малолетними детьми; или, наконец, 3) на основании относительного преимущества, вытекающего из узаконения случайного факта – такова власть господина над купленным или взятым в плен невольником. Власть политическая или государственная, неизбежно возникающая на известной степени развития, принадлежит ко второй из указанных категорий, выражая естественное право общественного целого на подчинение частей. Государственная власть, единоличная или коллективная, представляет единство и целостность данной общественной группы. Следовательно, значение власти связано с тем положением, что права и интересы целого должны быть определенным образом представляемы в отличие от частных прав и интересов, поскольку простая сумма сих последних еще не составляет общественного целого. Этот привходящий особый элемент единства может различным образом пониматься и допускаться в различной мере, но необходимое его существование едва ли подлежит серьезному спору. Практический вопрос здесь только в том, кем и как должна быть представлена верховная власть, носительница идей и интересов общественного целого» [12. С. 672–673].

Решающая роль отводится религиозному аспекту власти, и рисуется широкая картина в истории человечества, включая историю древнейшую, в таких регионах как Япония, Китай, Иудея, Греция, Рим, делались обобщения и относительно того, что «Властители признавались сынами богов и у всех прочих народов» [12. С. 673]. Становление и развитие власти мыслится в дальнейшем исключительно как государственная власть. Более того, «просто» власть и «власть государственная» разделяются (исходя из внутренней логики текста) с началом процесса секуляризации: «Где и когда именно впервые секулярировалась идея государственной власти – сказать трудно. Философский почин принадлежал, по всей вероятности, софистам...» [12. С. 673].

Вторая часть статьи наиболее обширна и посвящена не существу власти (которое определяется как *господство с божественной санкцией*), а развитию самого понятия власти. В этой части власть понимается

как нечто обеспечивающее естественное стремление человека к свободе и порядку. То есть власть есть то, что создает порядок и свободу, гарантирует и обеспечивает их. В этом смысле власть *обладает* силой как материальной, так и духовной. Обладает, но не является и не сводится к ней. Автор статьи выступает категорически против ложного смешения власти и могущества как разных по своему существу явлений. Также абсолютно неверным считается определение сильной или слабой власти. В то же время понятие исторически трансформировалось и привело к научным спорам во второй половине XIX в. в понимании власти как охранника свободы личности, взаимоотношения права и власти, власти как охранителя общего блага, отрицания власти как таковой – анархисты [12. С. 673, 675].

Нетрудно заметить, что власть как господство в статье философа мягко метаморфозируется во власть как государство, власть как право, власть как общее благо, и находит свое логическое завершение мини-анализом научных баталий вокруг проблемы и отказом от списка литературы, который предлагается в статье «Государство», где, как оказалось, вся литература сосредоточена именно на государстве и праве, но никак не на власти как таковой [13. С. 423–424].

Что же скрывается за термином «власть» в русском языке? И отчего возникло так много противоречий в его использовании столь авторитетными авторами (создается ощущение, что разнообразие позиций в диапазоне от естественного языка, естественной власти философа-Соловьева до искусственного языка европейской науки историка-Соловьева было создано намеренно)?

Для начала обратимся к одному из самых первых и авторитетных словарей древнерусского языка, созданного И.М. Срезневским на основе тщательного изучения литературных памятников. Это не чистый труд историко-этимологического значения, а скорее симбиоз толкового, историко-этимологического и сравнительно-лингвистического словарей древнерусского литературного языка. Но важен он тем, что стал основой для множества последующих изданий и очень компетентно прослеживает три наиглавнейшие линии освоения власти в русском смысловом поле начиная с древнейших письменных источников, не только предлагая толкования на современном ему русском языке, но и приводя греческие аналоги смыслов. Ниже представлены не дословные выборки из словарей, а круг концептов при помощи которых разъясняются нюансы и специфика власти в словарных публикациях.

1. Власть в смысле *сила, могущество* и остальные смыслы подчиненные им:

- свобода; право;
- господство;
- управление;
- страна; область [14. С. 273–274].

2. Власть в смысле *должность* и остальные смыслы, подчиненные ей:

- свобода, право;
- принадлежность [14. С. 35].

3. Тожество (автор словаря использует знак «=») власти и *волости* и дальнейшие смыслы, подчиненные этой третьей ветви понимания власти в древнерусском литературном языке:

- право;
- область, страна, земля, находящаяся под одной верховной властью;
- округ принадлежащий городу и составляющий часть волости в предыдущем значении;
- частное владение [14. С. 293–294].

В современном же издании, посвященном древнерусскому языку, эти три различные ветви сведены в единую словарную статью, что, на наш взгляд, может привести к абберациям, подталкивая исследователя к выводу о том, что «власть» в древнерусском языке – это нечто целое и единое, но имеющее разные смысловые оттенки, как:

- область, княжество, государство;
- владение, собственность;
- власть, господство, владычество;
- право, возможность что-либо делать;
- лица, облеченные властью [15. С. 444–446].

Доступные автору монографии этимологические и историко-этимологические словари акцентируют внимание либо на обладании, либо на сфере земельно-государственно-административного единства, в конечном счете, они располагаются в поле смыслов, указанных в словарях А.Г. Преображенского и П.Я. Черных. В словаре Преображенского читаем:

Власть: (*из владеть*) властвовать, властный, властитель, область, областной:

- волюсть, волостный;
- волюсть, волостель, волостелин;
- власть, властник, собственник; глава дома;
- власть, могущество, властель. Дворянин, властник, собственник.

От древнеславянского *Vald* – сила, господство [16. С. 88].

В словаре П.Я. Черных:

Власть: володеть, володею, волюсть – «власть», «право», позже (XI в.) – «государство», «страна», еще позже – «округ» В русском языке владеть и власть из старославянского – *Volost* [17. С. 157].

Как видим, авторы словарей выводят слово «власть» из двух разных сфер смыслов: сила и господство (*Vald*) в первом и владеть землей (*Volost*) – во втором. Проблема не нами первыми обнаружена и не нами решена.

В одном из последних исследований, посвященных этимологии власти в русском языке, подводится итог многолетнему изучению проблемы в среде филологов-специалистов: «Лексема власть заимствована в древнерусский из старо-славянского языка, где она была образована от корня *vold, восходившего к индоевропейскому *ual-d (h), где *ual- означало “иметь силу”, “быть сильным”...» [18. С. 107].

Во-первых, видно, что изначальный смысл власти заключался в обладании неким свойством. Нахождении в определённом состоянии, о чем недвусмысленно свидетельствуют «быть» и «иметь». Но также оче-

видно, что обладание силой присутствует предметно, визуально наблюдаемо и физически осязаемо. Более того это состояние укоренено в пластику времени, в ее текучесть и может быть зафиксировано только при учете временной характеристики. Это та самая *хромотопность*, которой свойственно именно живое органическое единство топосности и темпоральности, причем не в застывших формах, а в качестве текучей изменчивости.

Во-вторых, следует обратить внимание на очень важный аспект – удлинение этимологии к индоевропейскому праязыку, из которого вышли и славянские языки, и романо-германские (в последнюю группу входит и мертвый язык – латынь) и койне (то, что в неспециальной литературе часто называют древнегреческим языком). Нам представляется, что русский, английский, немецкий, французский и испанский языки имели единый индоевропейский смысл-субстрат для понимания власти, который в дальнейшем получил своеобразное развитие в «новых» языках эпохи Средневековья и Нового времени. Причем «потомок» **uol-* получил разные смыслы, а в некоторых случаях, сохранив смысл, – сменил форму. Отчего же это произошло? Ответов может быть множество, например, от того, что корневое отличие славянских и романо-германских языков в осмыслении власти находится в латинском языке. Последний значительно трансформировал исходное индоевропейское понимание слова, получившуюся трансформу он передал словам-референтам в испанском, французском, немецком и английском языках. Причем это сделал либо по форме, заменив бытовавшее ранее слово (английский), либо по смыслу, наделив новым пониманием старый термин (немецкий). Но вернемся к цитируемой статье и, как представляется существо вопроса, по крайней мере, на уровне метафизического, а не сравнительно-лингвистическом, станет очевидным.

Доктор филологических наук Ольга Николаевна Кондратьева однозначно утверждает: «Власть является нематериальной по своей природе, потому свободно метафоризируется, обрывает образами» [18. С. 107]. Именно так, а не иначе. Метафора и нематериальные образы, оттенки чувствований есть онтологическая (как это ни противостоит естественно звучит для позитивистско понятой философии) реальность власти. Она бытует не объективно в форме предметов, а субъективно в головах людей или на страницах письменных культурных источников (последняя – единственная стопроцентно материальная форма воплощения власти; записи от руки, типографский шрифт – все то, что материализует мысли в предметно-информационную реальность). Но качество этой метафоричности, формат наделения реальными предметами, поступков тел в физическом пространстве, особое прочтение их видимости, конечно, разное.

Говоря словами О.Н. Кондратьевой, особенность *русской метафоричности* власти (в противовес англо-германской и романской ветви) это – регулярный, устойчивый *отказ от нематериальности власти*. Непрерывные попытки наделения власти физической предметностью, в том числе такой, что может

уместиться даже в руках [19]. Это восприятие власти как предмета, которым возможно реально манипулировать. Этот предмет прельщает и жаждет обладания им (целиком и полностью физическое обладание всей совокупностью физических характеристик) ведет к катастрофам и несчастьям. Лишь немногие способны не прельститься над ней и владеть ею как властитель, а не как покорный прелести грешник [18. С. 108–109].

Исследователь также замечает (но не объясняет, увы) трансформацию такого представления власти-предмета, от того которым возможно обладать в древнерусском языке к антропоморфизации власти, которая просто есть в языке современном: «она превращается в некий самостоятельный организм со своей особой жизненной логикой» [18. С. 110].

Не так важно, чем *на самом деле* является власть: нематериальной силой, предметом со своей субстанцией, жизненным организмом. Достаточно (на данном уровне наших исследований) зафиксировать факт *материальности, физичности и временности власти в русском языке*. Также очевидна естественная спайка темпоральности и топологичности представлений о власти: живой, пластичной, текучей, многообразной, уместяющейся в конкретном пространстве, трансформирующей самого владельца и никогда не останавливающейся в своем бытии. Или, по-иному, факт устойчивой хромотопности власти в русском мыслящем мире (по Ю. Лотману). Ибо только данный термин, выведенный еще Бахтиным, позволяет терминологически корректно зафиксировать увлеченные нюансы.

Впрочем, слово «власть» само всегда испытывало трансформации и никогда в русском языке не было застывшим понятием. Оно изменялось исходя из действий книжников, частенько испытывало влияние иностранных языков, например болгарского. Понятие власти порой распадалось на отдельные грани и каждая облекалась в особое слово, при этом книжная традиция двигалась в одном направлении с народными представлениями и тенденция была очевидна: миграция смысла власти от физической силы коллектива к силе власти лица [20. С. 279]. Впрочем, предметность власти, ее государственно-земельная основа, оставалась и даже усиливалась, в конечном счете приводя к восприятию власти как живого организма в современном русском языке. Проанализируем некоторые из трансформ.

Значение власти как силы к XVI в. приписывается только Богу: «Значение 'властитель', по-видимому, вообще не было свойственно древнерусскому слову, но также и в значениях 'самовольно', 'самовольность' слова самовластно, самовласть не известны у восточных славян, хотя были свойственны южным славянам. В продолжение всего Средневековья власть – высокое слово, и по отношению к земным делам его не употребляли». Формируется очень сложная семантика власти, связанная с ее передачей, внутренней иерархией разнообразных властей-смыслов, тонкая смысловая игра абсолютного и частного: «Градация высшей власти идет вверх; от конкретной силы до полного господства Бога. "Власть" в этом перечне находится посредине; это

уже не просто сила, какую власть была в далекие времена, но это еще и не безусловное господство. Власть можно передать, например, своему представителю, господство же абсолютно» [20. С. 280].

В конце Средневековья происходит слияние волости и власти, отечества и отчины (что и нашло подтверждение в словарях древнерусского языка, но данное как общее явление древнерусского мира – некорректно, ибо имела место линия трансформаций от силы к обладанию, держанию, с одной стороны, и господства абсолютного характера – с другой, а на третьем этапе – слияние вторичных смыслов в единую реальность: власть = волость = государство = земля = господство): «...в древнерусский период, судя по языку, две эти линии понятий – владение землей и сама земля – еще не сошлись воедино. Волость и власть понимались как вполне самостоятельные явления. Власть, волость, область понимаются просто и одинаково как ограниченная держанием территория, и отсюда возникают следующие противоположности: *волость* и *власть* (с конца XI в.), причем всегда остаются конкретно ясными различия между пределами и уделами, а также отчиной и отечеством; и только позднее, в конце Средневековья, они еще раз соединяются вместе, чтобы образовать свое нерасторжимое единство: *государство* – *царьство* – *держава*» [20. С. 280].

К XIX в. понятие преодолело еще несколько трансформаций, и в словаре О.И. Даля оно предстает как:

– право, сила и воля над чем-то, свобода действий и распоряжений; начальствование; управление [21. С. 213].

Несмотря на все изменения, власть – это, говоря словами М. Хайдеггера, «здесь-бытие». Если право, то не как возможность, а как сила или воля над чем-то конкретным данным в ощущениях. Свобода выступает не просто как отсутствие начала, а именно как само начало, дающее распоряжение и действие.

В XX в. власть усиливает свое семантическое поле в направлении права, распоряжения, правления, сохраняя смыслы государства, лиц, облеченных властью:

– право и возможность подчинять кого-нибудь, что-нибудь, своей воле, распоряжаться действиями кого-нибудь;

– права и полномочия правительства, правительственного лица;

– образ правления, государственный строй;

– могущественное влияние, принудительная сила;

– лица, облеченные властью, начальство [22. С. 310].

Мы видим одно из первых проявлений искажения смысла «власть», а вернее, попытку разорвать Хроно-топ власти и ввести не присущее русскому языку понимание власти как возможности. В этом случае власть трактуется не как данная реальность, а как возможность, некая потенция воли, которая может проявиться, а может и не проявиться. Налицо проникновение в русское смысловое поле западноевропейских смыслов, которые, впрочем, количественно подавля-

ются все-таки русской смысловой сферой: «лица, облеченные властью», «полномочия правительства», «принудительная сила» и т.п.

В течение всего XX в. эти смыслы сохраняют свою устойчивость:

– право и возможность распоряжаться кем-нибудь, чем-нибудь, подчинять своей воле;

– политическое господство, государственное управление и его органы;

– лица, облеченные правительственными, административными полномочиями [23. С. 86].

Выше мы привели данные из толковых словарей, которые отражают всю стихию человеческого общения. Но нет ли своеобразия и различия между «живым» русским языком и языком литературным, каноническим, отражающим вершины интеллектуальной жизни профессионалов слова? Да, есть. Литературные словари более официозны и жестко регламентированы на государственно-управительные и государственно-административные грани власти:

1. Власть:

– право управления государством; права и полномочия правительства, правительственных органов;

– органы государственного управления; правительство;

– форма правления страной, государственный строй;

– право и возможность повелевать, управлять, распоряжаться действиями, поведением кого-либо [24. С. 436–437].

2. Власть:

– Право и возможность повелевать, распоряжаться действиями, поведением кого-либо;

– Могущественное влияние чего-либо, неодолимая сила чего-либо.

– Форма управления страной.

– Право и возможность управления государством.

– Органы государственного и местного управления [25. С. 304].

Можно отметить интересную деталь. Определения власти в словарях эпохи перестройки имеют менее императивный характер и апеллируют к такой сомнительной в темпоральном смысле реалии, как право, уделяя значительное внимание *возможности* власти, фиксируя тем самым искусственный отказ элиты от отечественного хронотопа власти. Это яркая идентичность власти присущая совокупному Западу в формате чистой потенции к могуществу, господству, влиянию. Она, могущественная возможность-власть, есть, но она ненаблюдаема и не имеет временных характеристик. Она не проявляет себя сохраняя абсолютную возможность стать чем-то, но не более того. Однако для советских словарей 1930–1950-х гг. власть – это государство, безусловное осуществляемое право диктатора в конкретных начальственных форматах. Подобный сюжет прочно вошел в советскую культуру и спустя несколько десятилетий после крушения СССР еще не до конца исчез из нашего повседневного и литературного языка, риторики политиков (где власть,

там всегда органы власти), философских и научных исследований власти.

На основании представленных определений можно выстроить ряд понятий, которые входят в семантическое поле власти: *воля, сила, свобода, право, могущество, влияние, господствование* (более удобная форма, чем повеление), *управление, государство*. Причем большей частью это реальные состояния, обладающие конкретными пространственно-временными характеристиками, а не возможности или вероятия. По сути, речь идет об *открытом хронотопе*, который, прекращая свое развитие (трансформируясь в *закрытый хронотоп* – см. начало статьи), ликвидирует власть из оптики русской экзистенции. Ибо в русских смыслах власть – это то, что есть, а не то, что было или может быть.

Кроме того, в толковых и литературных словарях XIX–XX вв. прослеживается четкая связь понятий «власть» и «владеть». Вернее, в статьях, посвященных слову «владеть», всегда присутствует в той или иной форме понятие «власть».

Так, в словаре Даля представлен следующий семантический ряд: «Владеть: обладать; властвовать, властвовать; управлять полновластно; иметь в своей собственности, называть по праву своим» [21. С. 212].

Владеть (словарь Ушакова):

- Иметь что-нибудь своей собственностью, обладать;
- держать в своей власти, управлять (книж);
- быть в состоянии действовать чем-нибудь, пользоваться чем-н. [22. С. 305].

Владеть (толковый словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой):

- иметь своей собственностью;
- держать в своей власти, подчинять (в отличие от словаря Ушакова это опять не книжное, а вполне живое выражение);
- уметь, иметь возможность пользоваться чем-нибудь, действовать при помощи чего-нибудь [23. С. 86].

Напротив, в статьях «Власть» понятие «владеть» встречается отнюдь не всегда. Вырисовывается довольно любопытная односторонняя связь. Владение всегда подразумевает власть. Но власть – это не только и не всегда владение, по крайней мере, напрямую в ясно выраженной форме. Ибо что значит «лицо, наделенное властью»? Очевидно, речь идет о том, что лицо *обладает, владеет* некоторыми полномочиями, некоторым статусом, но в модусе *наделения*, а не *самовластия*. Просмотрев все варианты описания власти в толковых, литературных или семантико-этимологических словарях, мы сможем убедиться, что в русском языке находится в состоянии власти неразрывно, по самым глубоким слоям смысла связано с состоянием владения и обладания. Это состояния держания в «своей власти», «обладание действием», «владением чем-либо» есть пространственно-временная выразимость, наблюдаемость русской власти как таковой.

Составим общую семантическую схему. За ее центр следует взять «ядерный» концепт «власть». Его сателлитами, присутствующими в разнообразных словарях, являются «сила», «воля», «право», «свобода» (в смысле *уже-нахождения* в состоянии *силости, воли, правости, свободности*). Для их уточнения и качественной, поддающейся пространственно-временной оценки используются такие концепты, как «могущество», «влияние», «господствование», «управление» (в русском языке состояние силы – «силость», условно и неязычно, но для ее предметизации подходит термин «могущество» в формате состояния «могущественность»; «волисть» – «влиятельность»; «правость» – «господствование»; «свободность» – «правительность»). Следующий ряд представляют два понятия, которые иногда отождествляются с властью, но чаще служат для наглядной, *количественной, опредмеченной*, всецело понятной и ощущаемой власти всеми носителями русского языка.

Два концепта – «государство» и «обладание». Последний концепт – ключевой, его семантическое поле включает в себя все заявленные понятия. В русском языке можно представить власть без государства, и многочисленные теоретические и даже практические эксперименты в этой области хорошо известны, но без обладания властью помыслиться не может никак.

Очевидно, что власть не рассматривается в русском языке с позиций много или мало, также отсутствуют представления о возможности как составной части власти. Власть либо есть, либо ее нет. И если она есть, то вся ее полнота концентрируется в ее носителе. Причем в отличие от романо-германских языков власть не есть абстракция, некая сила или способность что-либо сделать. Власть вполне физична, она «отлита» в конкретной персоне, конкретном коридоре, в конкретной административной единице и находится в жесточайшей связи с определенной земельной структурой: государством Россия, Московской областью, отдельно взятым селом: «власть на селе», «власть в городе», «российская власть». Это не может быть некая власть трансземельная, интернациональная, принадлежащая всем и никому. Нет таких традиций в языке и, по крайней мере, с IX в. нет таких представлений в этимологическом ряду русского языка.

Максимально близкое значение (см. вышеприведенные цитаты) имеет положение из словаря Ушакова: «быть в состоянии действовать чем-н., пользоваться чем-н.». Нетрудно заметить, что данная фраза близка к определению власти как *способности и возможности*, за исключением одного нюанса. В цитате речь идет о том, что некто находится *уже* в определенном измененном, властном состоянии действовать и пользоваться, он реализовал возможность, обретя соответствующее состояние-статус.

Власть в русском «мыслящем мире» является, по видимому, таким же взаимно непереводаемым термином, которые находятся в спектре полной взаимной непереводаемости [26. С. 191]. Речь идет, прежде всего, о естественном языке культуры, а не об искусственных концептуальных построениях отдельных

экспертов в философии власти, политологии или социологии власти.

Власть в русском языке (и в этом ее существенное отличие) есть нечто физически осязаемое, но не достигаемое, а даруемое или обретаемое. Она не делится на части, а присутствует во всей совокупности своих элементов. Либо она есть, либо ее нет. Это не просто некое стремление, или способность, или набор умений. Это реальность, а еще вернее – это некое особое состояние, которое имеет предметное и физиологическое воплощение, очевидное для всех.

Власть есть искушение, которое либо раздавливает человека, либо, если он его преодолел (овладел, покорил, нивелировал), – возвышает. Власть всегда сохраняет элемент сакральности от осознаваемой градации «высшая власть – Бог, низшая – земная» до отдельных религиозно-этических моментов с тенденцией абсолютизации «вся власть – зло». С учетом этих соображений можно построить концептуальную сетку мышления власти в русской семиосфере:

Власть – центр, ядро и основополагающий концепт. Он тотально *хронотопичен*, являя себя в органичной и неразделимой пространственно-временной реальности бытия.

Сила, воля, право, свобода – ближайшие, видимые проявления властной реальности в хронотопе. Они связаны с *личностями*, которые есть носители власти. Причем существенно-важным элементом является формат свободы. Последний, как правило, не встречается в характеристиках власти (как таковой он присущ только ей) в западноевропейских языках [27. С. 93–97].

Влияние, господствование, управление – технические элементы власти, которые реализуют заложенный во власти потенциал изменять, трансформировать, метаморфизировать окружающую реальность. В центре находится господствование как абсолютная власть, присущая только Богу и которая имеет довольно бледное, а зачастую и искаженное проявление на земле [28. С. 621–637]. Влияние и управление – это технические характеристики, в полном смысле слова они реализуются в рамках горизонта коммуникативных отношений, тогда как господствование суть строгой иерархии вертикальной субординации.

Государство, обладание – два понятия, которые обнимают и включают в себя все предыдущие реальности, кроме самой власти – ядра и источника сферы, ее, если угодно, *математической точки*. Той самой точки – не существующей в реальности, абстракции, – без осязания которой не возможно предметное воплощение, например, космической программы США или России. Государство и обладание максимально предметизируют абстракцию, воплощают ее и сопутствующие ей спутники и технические элементы в общепринимаемую реальность. Обладание является завершающим, в известном смысле периферийным концептом семиосферы, но периферийным в том смысле, что за его пределами власти не существует как таковой, обладание есть оболочка, формализующая власть, ее граница, ее ограничение, ее периферия. В свое время был сформулирован четкий слоган:

«власть есть волевое удовлетворяющее обладание объектом» [29. С. 125]. Обладание, а не просто распоряжение или управление чем-либо, не просто наличие мощи или возможность оказать воздействие, не формат влияния на другого или доминирование другим – формирует состояние власти в русском мыслящем мире. Этимология обладания в структуре власти восходит к обладанию землей, но в настоящее время оно понимается куда как шире – обладание реальностью, бытием, но исключительно в границах государства, причем, сами границы могут быть весьма динамичными (рудимент земельной привязки [30. С. 340–414] сохраняется из века в век в русском языке). Обладание в конечном итоге – это ключ для понимания специфики русской семиосферы власти, без которого, она (власть) останется безжизненным операциональным термином для частных лабораторных исследований отдельных малозначимых элементов реальности.

Данный набор мыслится единовременно, без возможности исключения. В этом-то и проявляется органическое единство пространства и времени, то, что мы в начале статьи определили как хронотоп, исходя из русских смыслов. В этом отличие русского органического целого хронотопа от разделенной темпоральности и топосности власти в английском или французском языках, где четко прослеживается разница между властью, могущей чем-то быть, чистой мощью имеющей пространство, но лишенной времени – Power (англ), Pouvoir (фр.), и властью конкретной, прикладной, сосредоточивающейся в конкретном акте максимально темпоральном, но локально пространственным – Authority (англ), Autorité (фр). Причем и в количественных и в качественных своих характеристиках эти две половинки характерны также и для немецкого языка – «Gewalt – Macht».

Проведенный историко-этимологический и в целом философско-семиотический анализ уверенно убеждает, что русский хронотоп власти не предполагает уменьшения одних элементов за счет других. Он вне количественных или качественных характеристик. Он темпорален лишь постольку, поскольку имеется факт его обретения или факт его лишения. Его темпоральность в рамках хронотопа – это исключительно внутреннее время, никак не зависящее от неких общих внешних фактов вне самого состояния властвования. Это совокупная реальность, которая просто есть либо ее просто нет. В русской семиосфере власть нельзя (как, скажем, в английском языке) разделить на некую мощь, на государственное образование имперского типа или... на лошадиную, тягловую силу, как это допускается делать в английском языке. Ее невозможно отследить в качестве темпоральных интуиций как нечто имеющееся «тогда», «сейчас» и «потом». Но есть время до обретения власти (где субъект, обретший ее, мыслится иначе и в хронологическом и в топологическом смысле), время, когда он обладает властью (особое властное состояние, когда власть фиксируется наблюдателями), и время, когда он обязательно, вне всяких сомнений власти будет лишен. Все три состояния разные в своей хронотопичности и никак не накладываются друг на дру-

га. Фиксируется лишь изменение состояния на *до-властное*, *властное* и *послевластное*. Само же состояние власти как таковое не поддается темпоральным операциям, а если это происходит, то речь идет не о власти, а о чем-то другом, не воспринимаемом как властное состояние.

В таком прочтении этимология лексемы «власть» выступает не просто одной из прикладных филологических задач или возможных форм периферийных исследований в рамках аналитической философии, а является важнейшим ядром дальнейшего развития философии власти. Именно оно позволяет определить пространственно-временные границы бытийствования уже не грамматической формы «власть» или авторского концепта, а в определенной мере эйдоса власти в многовековой традиции, зафиксированной в словарях и культурно-языковой памяти нации. Понятие «хронотоп» дает четкие инструментальные возможности для фиксации оригинальных пространственно-временных характеристик заявленного эйдоса, ориентирует на целостность восприятия властной

реальности в русском самосознании, позволяет отсеять научные aberrации, когда восприятие власти осуществляется не через корневые характерные для русского языка смыслы, а посредством идей, заложенных в языках совокупного Запада. Предлагаемая археология власти позволяет подойти к формированию особой научной дисциплины – «истории власти», обрести языковую устойчивость для формирования научных и философских концепций для объяснения многочисленных загадок трансформации власти в России в последние столетия. Ведь не секрет, что ни одна концепция, рожденная в недрах совокупного Запада (основанная на английском, французском или немецком языках), не смогла разрешить загадки истории русской власти, русского восприятия власти, русского эйдоса власти и, как показывает наша статья, не будет в состоянии сделать этого до тех пор, пока не будет учитывать в своем исследовании специфику русского хронотопа власти, раскрывающегося в семантике и этимологии лексемы «власть».

Список источников

1. Русакова О.Ф., Фатихов С.П. Концептуальные модели хронотопа в гуманитарных и политических исследованиях // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2011. № 3. С. 122–127.
2. Ухтомский А.А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002. 448 с.
3. Политов А.В. Историко-философский анализ концепций хронотопа А.А. Ухтомского и М.М. Бахтина : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Пермь, 2016. 16 с.
4. Киященко Л.П. Биологос: динамика хронотопа // Философские науки. 2009. № 1. С. 29–43.
5. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234–407.
6. Сунгуров А.Ю. Хронотоп как инструмент регионального политического анализа // Полис. Политические исследования. 2003. № 6. С. 62–70.
7. Шмелева А.В. Хронотоп исторического: диалогическая природа исторического познания : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Самара, 2000. 22 с.
8. Гогтишвили Г.А. Хронотоп // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / под ред. В.С. Степина. М.: Мысль, 2010. Т. 4. С. 307–308.
9. Левашева Е. В. «Национальное» как феномен нового времени : хронотоп новоевропейских культур : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Казань, 2000. 20 с.
10. Кемеров В.Е. Ключи к современности – в сдвигах методологии // Вопросы философии. 2014. № 2. С. 3–13.
11. Бауман З. Текучая современность / пер. с англ.; под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
12. Энциклопедический словарь : в 86 т. СПб.: Семеновская Типо-Литография (И.А. Эфрона), 1892. Т. VI-а. 801 с.
13. Энциклопедический словарь : в 86 т. СПб.: Семеновская Типо-Литография (И.А. Эфрона), 1893. Т. IX. 474 с.
14. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. СПб.: Типография императорской Академии наук, 1893. Т. 1. 1420 с.
15. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / гл. ред. Р.И. Аванесов. М.: Русский язык, 1988. Т. 1. 525 с.
16. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка : в 2 т. М.: Типография Г. Лиссиера и Г. Совко, 1910–1914. Т. 1. 718 с.
17. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. 3-е изд. Стереотип. М.: Русский язык, 1999. Т. 1. 621 с.
18. Кондратьева О.Н. Концепт «власть» и специфика его реализации в текстах Древней Руси // Современная политическая коммуникация : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 21–24 сентября 2009). Екатеринбург, 2009. С. 107–110.
19. Бессонова Л.Е. Концептуальная и семантическая природа лексемы «власть» в лексикографическом дискурсе // Система і структура східнослов'янських мов. Київ : Знання України, 2005. С. 149–156.
20. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. 326 с.
21. Даль В.И. Толковый словарь : в 4 т. М.: Русский язык, 1989. Т. 1. 699 с.
22. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова : в 4 т. М.: Советская энциклопедия, 1935. Т. 1. 1562 с.
23. Толковый словарь русского языка / сост. С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова. 4-е изд. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
24. Словарь современного русского литературного языка : в 18 т. / под ред. В.И. Чернышева. М.; Л.: АН СССР, 1951. Т. 2. 1394 с.
25. Словарь современного русского литературного языка : в 20 т. / под ред. И.С. Горбачевича. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1991. Т. 2. 962 с.
26. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. СПб.: Азбука, 2016. 448 с.
27. Ледяев В.Г. Власть : концептуальный анализ. М.: Рос. полит. энциклопедия, 2001. 384 с.
28. Булгаков С. Свет не вечерний : созерцания и умозрения. СПб.: Азбука, 2017. 672 с.
29. Митрохин В.И. Сущность власти : философский анализ. М.: Изд-во МГОПИ «Альфа», 1992. 147 с.
30. Королев С.А. Метаморфозы власти. Опыты по микроистории: философские аспекты. М.: Весь Мир, 2017. 654 с.

References

1. Rusakova, O.F. & Fatikhov, S.P. (2011) Conceptual models of chronotope in humanities and political studies. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki – Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities*. 3. pp. 122–127. (In Russian).

2. Ukhtomskiy, A.A. (2002) *Dominanta* [Dominant]. Saint Petersburg: Piter.
3. Polotov, A.V. (2016) *Istoriko-filosofskiy analiz kontseptsii khronotopa A.A. Ukhtomskogo i M.M. Bakhtina* [Historical and philosophical analysis of the concepts of the chronotope by A.A. Ukhtomsky and M.M. Bakhtin]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Perm.
4. Kiyashchenko, L.P. (2009) *Biologos: dinamika khronotopa* [Biologos: dynamics of chronotope]. *Filosofskie nauki – Russian Journal of Philosophical Sciences*. 1. pp. 29–43.
5. Bakhtin, M.M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of Literature and Aesthetics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 234–407.
6. Sungurov, A.Yu. (2003) Chronotope as instrument of regional political analysis. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 6. pp. 62–70. (In Russian).
7. Shmeleva, A.V. (2000) *Khronotop istoricheskogo: dialogicheskaya priroda istoricheskogo poznaniya* [Chronotope of the historical: the dialogical nature of historical cognition]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Samara.
8. Gogotishvili, G.A. (2010) *Khronotop* [Chronotope]. In: Stepin, V.S. (ed.) *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New philosophical Encyclopedia]. Vol. 4. Moscow: Mysl'. pp. 307–308.
9. Levasheva, E.V. (2000) *“Natsional’noe” kak fenomen novogo vremeni: khronotop novoevropeyskikh kul’tur* [“National” as a phenomenon of modern times: chronotope of New European cultures]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Kazan.
10. Kemerov, V.E. (2014) Keys to the present – in shifts of methodology. *Voprosy filosofii*. 2. pp. 3–13. (In Russian).
11. Bauman, Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost’* [Fluid Modernity]. Translated from English. Saint Petersburg: Piter.
12. Andreevskiy, I.E. (ed.) (1892) *Entsiklopedicheskiy slovar’* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. VI-a. Saint Petersburg: Semenovskaya Tipografiya (I.A. Efrona).
13. Arsen’ev, K.K. & Petrushevskiy, F.F. (eds) (1893) *Entsiklopedicheskiy slovar’* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. IX. Saint Petersburg: Semenovskaya Tipo-Litografiya (I.A. Efrona).
14. Sreznevskiy, I.I. (1893) *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka po pis’mennym pamyatnikam* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language on Written Monuments]. Vol. 1. Saint Petersburg: Tipografiya imperatorskoy Akademii nauk.
15. Avanesov, R.I. (ed.) (1988) *Slovar’ drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.)* [Dictionary of the Old Russian language (11th–14th centuries)]. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.
16. Preobrazhenskiy, A.G. (1910–1914) *Etimologicheskii slovar’ russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1. Moscow: Tipografiya G. Lissiera i G. Sovko.
17. Chernykh, P.Ya. (1999) *Istoriko-etimologicheskii slovar’ sovremennogo russkogo yazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian language]. 3rd ed. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.
18. Kondrat’eva, O.N. (2009) [The concept of “power” and the specifics of its implementation in the texts of Ancient Russia]. *Sovremennaya politicheskaya kommunikatsiya* [Modern Political Communication]. Proceedings of the International Conference. Yekaterinburg. 21–24 September 2009. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. pp. 107–110. (In Russian).
19. Bessonova, L.E. (2005) Kontseptual’naya i semanticheskaya priroda leksemy “vlast” v leksikograficheskoy diskurse [The conceptual and semantic nature of the lexeme “power” in lexicographic discourse]. In: *Sistema i struktura skhidnoslov’yans’kikh mov* [The System and Structure of the East Slavic Languages]. Kiyv: Znannya Ukraini. pp. 149–156.
20. Kolesov, V.V. (2000) *Drevnyaya Rus’: nasledie v slove. Mir cheloveka* [Ancient Rus: Heritage in the Word. The human world]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
21. Dal’, V.I. (1889) *Tolkovyy slovar’* [Explanatory Dictionary]. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.
22. Ushakov, D.N. (ed.) (1935) *Tolkovyy slovar’ russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
23. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (eds) (1999) *Tolkovyy slovar’ russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 4th ed. Moscow: Azbukovnik.
24. Chernyshev, V.I. (1951) *Slovar’ sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of Modern Russian Literary Language]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: USSR AS.
25. Gorbachevich, I.S. (ed.) (1991) *Slovar’ sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of Modern Russian Literary Language]. 2nd ed. Vol. 2. Moscow: Russkiy yazyk.
26. Lotman, Yu.M. (2016) *Vnutri myslyashchikh mirov* [Inside the Thinking Worlds]. Saint Petersburg: Azbuka.
27. Ledyayev, V.G. (2001) *Vlast’: kontseptual’nyy analiz* [Power: conceptual analysis]. Moscow: Ros. polit. entsiklopediya.
28. Bulgakov, S. (2017) *Svet nevecherniy: sozertsaniya i umozreniya* [The Light of the Evening: contemplation and speculation]. Saint Petersburg: Azbuka.
29. Mitrokhin, V.I. (1992) *Sushchnost’ vlasti: filosofskiy analiz* [The Essence of Power: a Philosophical Analysis]. Moscow: Izd-vo MGOPi “Al’fa”.
30. Korolev, S.A. (2017) *Metamorfozy vlasti. Opyty po mikroistorii: filosofskie aspekty* [Metamorphoses of Power. Experiments on microhistory: philosophical aspects]. Moscow: Ves’ Mir.

Информация об авторе:

Шевченко О.К. – канд. филос. наук, доцент кафедры истории и философии Гуманитарно-педагогической академии (филиала) Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Ялта, Россия); председатель Крымского отделения Российского философского общества (Ялта, Россия). E-mail: skilur80@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.K. Shevchenko, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Humanities and Education Science Academy (Branch) of V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Yalta, Russian Federation); chair of the Crimean Branch of the Russian Philosophical Society (Yalta, Russian Federation). E-mail: skilur80@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.11.2019;
одобрена после рецензирования 21.02.2022; принята к публикации 28.03.2022.

The article was submitted 07.11.2019;
approved after reviewing 21.02.2022; accepted for publication 28.03.2022.